

*Моей замечательной подруге
Виктории Н.
с любовью и благодарностью
посвящается этот роман*

ГЛАВА 1

Подойдя к зеркалу, я припудрила нос и подкрасила губы. Посмотрев в очередной раз на свое отражение, я тихонько всхлипнула и смахнула слезы. У меня красивое лицо, быть может, даже слишком... Роскошные черные волосы, бархатная золотистая кожа... Я не хотела и не могла верить в то, что спустя какое-то время это лицо может потерять свою притягательную красоту.

— Ну что ты опять крутишься у зеркала? — донесся до меня раздраженный голос моего мужа. — Вбила себе в голову, что неизлечимо больна... Меня уже трясет от твоего зареванного вида. Тебе не онколог нужен, а психиатр. Может, он вправит тебе мозги...

— Мне ничего не нужно вправлять! — возмутилась я. — Ну почему ты не хочешь поверить, что я очень больна?! Я болею, Андрей, пойми... Я очень больна...

— Ерунда! Такие, как ты, не болеют. Такие живут долго и умирают только от старости.

— Это совсем не смешно. Тебе не кажется, что ты очень жесток?

— Наверно, ты просто не видела жестоких мужчин... Я, по сравнению с ними, просто ангел.

— Ты никогда не был ангелом. Никогда. Мы живем с тобой уже шестой год, и с каждым годом ты становишься все хуже и хуже.

— Не нравится, ищи другого. Я никогда тебя не держал! Никогда! И не разыгрывай драму. Ты совер-

шенно здоровая и сильная женщина! Ты же на большую совсем не похожа!

— Спасибо тебе, Андрей, — безжизненным голосом произнесла я и опустила в кресло.

— За что?

— За то, что ты такой чуткий, добрый... Такой человечный. Спасибо за моральную поддержку.

Я чувствовала, что в любой момент могу сорваться на крик.

— Решила съязвить?! Что ж, у тебя это хорошо получается. Если бы ты только знала, как я от тебя устал.

Андрей вышел в коридор и принялся обуваться. Я бросилась следом и загородила входную дверь:

— Андрюш, ты куда?

— Какая тебе разница?

— Как это — какая разница? Я же твоя жена.

— Ну и что?

— Как это — ну и что?! Я должна знать, куда ты собрался.

— Я ухожу по своим делам.

— По каким еще делам?! Ты говорил, что сегодня свободен, и обещал съездить со мной в больницу. Ты же знаешь, как я боюсь... Мне нужно, чтобы ты был рядом.

— Извини, дорогая, но у меня появились неотложные дела. Будь хорошей девочкой, не втягивай меня в эту малоприятную историю.

— Андрюшенька, не уходи! — взмолилась я, пытаюсь одолеть охватившую меня дрожь.

— Вика, ради бога, не устраивай истерик... Дай пройти, — равнодушно проговорил он.

— Ты можешь просто так взять и уйти?! Оставишь меня в таком состоянии одну?! Челноков, ты редкая сволочь...

— Вместо того чтобы меня стыдить и мотаться по больницам, занялась бы лучше собой и хоть немного

скинула вес. Ты стала похожа на вечно ноющую жирную корову.

— Ты всегда был щедр на комплименты... — про-
бормотала я.

— Плевать мне на то, что ты думаешь.

— В последнее время ты слишком много плюешь...
Неужели тебе так нравится делать мне больно? Мне
нет необходимости худеть, у меня прекрасное тело.

— Вика, отойди от двери, — повторил он, будто не
слышал моих слов.

— А если не отойду?

— Тогда мне придется тебя отодвинуть.

Я отошла от двери и, опершись о стену, медленно
опустилась на пол. Я надеялась, что муж сейчас сядет
рядом, крепко обнимет меня за плечи, успокоит, а я,
конечно же, растаю и прощу ему все на свете. Главное,
что он рядом... Потом мы поедем в больницу, он будет
держаться за руку, и мне не будет страшно. Но он
даже не посмотрел и, громко хлопнув дверью, ушел.
Я обхватила колени руками и дала себе волю — громко
заревела.

Мне всегда хотелось верить в то, что он меня лю-
бит. Ну хотя бы самую малость... Однако жизнь по-
стоянно доказывала обратное. Я никогда не чувство-
вала себя любимой. Теперь, когда я узнала о своей
страшной болезни, было особенно одиноко. С каждым
днем мне становится хуже и хуже. Лимфогранулема-
тоз... Господи, какое ужасное название! И не выгово-
ришь. Правда, диагноз еще под вопросом, но если он
подтвердится... Заболевание лимфатической системы.
С этим живут недолго. Боже мой... И самый близкий,
родной человек даже слышать не хочет о моей болезни!
Так хочется быть любимой. Просто хочется, и все. Го-
ворят, чтобы быть любимой, нужно говорить не о том,
что занимает тебя, а о том, что занимает любимого.
Я всегда внимательно слушала своего мужа, была про-
сто искусной слушательницей. Он никогда не вникал в

мои переживания, говорил только о себе. В любви мужчина стремится не к войне, а к миру. Понимая это, я всегда была нежной и кроткой. Ведь ничто так не выводит мужчину из себя, как агрессивность женщины. Амазонок обожают, но не обожают.

Смахнув слезы, я с трудом встала с пола и вновь подошла к зеркалу. И все же, несмотря ни на что, я чертовски красива! Только вот на сколько хватит моей красоты?

Я даже не помню, как все это началось. Слабость, головокружение, небольшая температура, непонятные растущие уплотнения под мышками... А затем эта ужасная потливость, резкий отвратительный запах. Этот запах преследовал меня, как я ни пыталась от него избавиться. Я знала, что больна, но не хотела верить, что возможен такой диагноз. Бесконечные анализы, душные врачебные коридоры, жуткие очереди... И вот теперь — только душевная боль и удручающее одиночество. Если бы мой муж меня любил, было бы немного легче. У нас двоих было бы ровно в два раза больше сил, мы смогли бы скрутить черту рога и победить болезнь. Так хотелось почувствовать рядом сильное мужское плечо, хоть какую-то поддержку. Все пять лет нашего брака я тянула двоих: своего сына и своего мужчину. Я всегда хотела быть сильной, потому что мне хотелось иметь возможность быть слабой. Я не жалею о своей судьбе. Я принимаю ее такой, какая она есть. Господь нам дает именно столько испытаний, сколько мы можем вынести.

Если бы мне выпала сладкая доля, я бы, наверное, многое не понимала в жизни. Да, я часто спотыкалась, падала, но всегда поднималась и шла вперед. Я страдала от своих ошибок, но исправляла их сама. И я знала: главное — нельзя давать озлобиться душе. Ведь всегда рядом с нами и ангел, и дьявол. Чем слабее человек, тем сильнее дьявол. Теперь в моей жизни возник

очередной барьер — болезнь. Что ж, я должна справиться и с этим.

Я быстро переоделась и поехала в больницу. Не помню, что я почувствовала в тот момент, когда узнала, что диагноз подтвердился. Странно как-то получается... Жила-была чудная озорная девочка по имени Виктория... Прошло время, и эта девочка превратилась в интересную женщину все с тем же красивым именем, а затем эта молодая, полная сил и энергии женщина узнает, что больна страшной, почти неизлечимой болезнью. Что это? Наказание свыше? Тогда за что? Я никому не делала зла и в эту рулетку под названием «Жизнь» играла только по честным правилам. Даже не помню, как я добралась домой. Перед глазами плыло, мысли путались, на душе была жуткая пустота. Упав на кровать, я обхватила подушку и стала ждать Андрея. Сейчас он вернется, сядет рядом и успокоит меня. Теперь все будет иначе. Диагноз подтвердился, и у Андрея нет оснований мне не доверять. Ведь он мой родной человек, он послан мне Богом.

Мне вспомнилось венчание с Андреем. Был восхитительный день, такой тихий, такой торжественный... Медленно падал пушистый снег, все вокруг походило на добрую волшебную сказку, приятно замирало сердце и перехватывало дыхание. Андрей устроил так, что мы венчались одни — мы не хотели венчаться вместе с другими парами. Я была безумно счастлива и тайком смахивала слезы ни с чем не сравнимой радости.

Желание любви — это желание Бога. Я никогда не боялась раствориться в сущности другого человека. Я всегда верила, что если я люблю, то меня обязательно будут любить, если я буду бояться, что меня обманут, то меня обязательно обманут, если я захочу много денег, то я обязательно их получу. Верила, что мысль материальна. Помню, с каким восхищением смотрели на нас приглашенные на венчание гости, и мы наслаждались этим. Какая-то богомольная бабка взяла меня

под руку, наговорила кучу комплиментов и повела в другой конец храма. Там стоял гроб с покойником, которого собирались отпевать. Стоявшая неподалеку женщина испуганно взглянула на меня и сказала, чтобы я немедленно вернулась обратно. Это очень плохой знак, когда в церкви встречаются покойник и невеста. Мол, это знак свыше, знак того, что у пары не сложится семейная жизнь. Конечно, я ей не поверила.

Я взглянула на часы. Время позднее, а Андрея все нет. Странные все же создания — эти мужчины. Сначала закидывают цветами, завоевывают, покоряют, а добившись желаемого, забывают и об элементарном уважении, и о чувстве долга. А может быть, виноваты мы сами — выбираем не тех? А разве есть другие? Где же они? Что-то не встречаются. Время шло. Я, как неприкаянная, ходила из угла в угол. В голове проносились малоприятные картинки: вот мой Андрей раздевает какую-то молодую красивую девушку... Целует ее волосы, шею, грудь... Говорит ласковые слова... Нет, я не завидую ее красоте и молодости, все это у меня есть... Ее главный козырь — здоровье, которого у меня, к сожалению, нет.

Услышав звук поворачивающегося в замочной скважине ключа, я выскочила в коридор и бросилась Андрею на шею.

— Андрюшенька, ну что ты так долго?! — тихонько всхлипнула я. — Я уже не знала, что и думать.

— Ничего и не надо думать. Могла бы лечь спать. Я же сказал, что уехал по делам.

Я почувствовала запах женских духов. Это не мой запах. Это был запах чужой, щедро надушенной женщины...

Я отстранилась от Андрея и сказала каким-то чужим голосом:

— От тебя просто разит ужасными дешевыми духами.

— Не разит, а пахнет, — издевательски уточнил Андрей.

— Такие духи не пахнут, а воняют! — взорвалась я, быстро ушла в комнату и села на диван.

Не говоря ни слова, Андрей прошел следом за мной, сел рядом и закурил. Я долго молчала, нервно покусывая ногти. Наконец я не выдержала и заговорила первой:

— Ты голоден?

— Нет.

— Оно и понятно. Ты был у женщины?

— Да.

— Она красивая?

— Очень.

— Она ничем не болеет?

— Ты же знаешь, для посторонних женщин у меня всегда есть пачка резинок.

— Да, ты очень предусмотрительный. Но я имела в виду совсем не это. Мне сейчас и так несладко, а ты делаешь еще хуже. Мог бы хоть немного меня пощадить и не рассказывать о том, что был у любовницы.

— Ты предпочитаешь вранье?!

— Иногда лучше сладкая ложь, чем горькая правда.

— Хорошо, если тебе так этого хочется, с этой минуты я буду врать самым наглым образом.

Андрей засмеялся. В его смехе я услышала истеричные нотки.

Мне хотелось громко разрыдаться, но я все же смогла взять себя в руки.

— Можно подумать, что ты не врал мне раньше, — сказала я. — Просто сейчас тебе хочется уколоть меня как можно сильнее.

— Ладно, родная, забудем. — Андрей обнял меня за плечи. — Ты значишь для меня намного больше, чем все, вместе взятые женщины на свете. Послезавтра

я уезжаю на целый месяц. Я бы хотел, чтобы ты поехала со мной. Ты рада?

— Куда ты уезжаешь? — едва слышно спросила я.

— На сплав. Я уже говорил тебе, но ты в последнее время так увлечена своими мнимыми болячками, что ничего не хочешь слышать. Мы поедем под Екатеринбург. Сплаваться будем по реке Чусовой.

Слегка отодвинувшись от Андрея, я взяла его за руку и сжала ее что было сил. Андрей слегка поморщился, но не издал ни звука.

— Андрей, мы не можем поехать на сплав, — произнесла я словно во сне. — Мы не поедем на сплав, — повторила я.

— Почему?

— Потому что диагноз подтвердился. Завтра меня положат в онкологическую больницу. Я очень больна. По правде говоря, мои шансы ничтожны. Ты должен быть рядом, иначе мне просто не выкарабкаться.

— И как называется твоя болезнь? — с вызовом спросил Андрей.

— Лимфогранулематоз.

— Ты долго запоминала это навороченное название?

— Такой диагноз заучивать не приходится. Он намертво врезается в память. Проще говоря, это рак лимфы... Понимаешь?.. Это рак...

Андрей заметно изменился в лице и закурил.

— Ты хочешь сказать, что у тебя рак? — спросил он после затяжной паузы. — И ты поверила отечественной медицине?!

— Есть результаты анализов, и от этого никуда не денешься.

— Ерунда! Ты совершенно здоровая женщина!

— Ну почему ты не хочешь мне верить?

— Потому что ты вбила себе в голову невесть что, веришь каким-то анализам! Не надо думать о болезни,

тогда и болеть не будешь. Так ты поедешь со мной на сплав или нет?

Меня охватило чувство беспомощности. Самый близкий человек не хотел понять меня. Я сползла на пол и обхватила колени руками.

— Андрей, господи... Ну почему же ты такой жестокий? — словно в бреду шептала я. — Ну неужели в тебе не осталось ничего человеческого? Если бы ты заболел, я бы сутками сидела у твоей кровати и выходила бы тебя...

— Не нужно громких слов, Виктория. Я задал тебе вопрос, а ты на него не ответила, — раздраженно прервал меня Андрей.

Собрав последние силы, я сжала кулаки и процедила сквозь зубы:

— Я не поеду с тобой. Завтра я должна лечь в больницу, потому что послезавтра может быть поздно...

— Не поедешь так не поедешь, — муж безразлично пожал плечами и встал с дивана. — Жаль. Мое дело предложить... Я и не думал, что этот месяц мне придется провести без тебя. Мне хотелось, чтобы ты была рядом.

— Ты поедешь без меня? — спросила я голосом, полным отчаяния.

— Конечно, а ты сомневалась? Я еще не полный дурак и не собираюсь сидеть у кровати мнимого тяжелобольного и выслушивать полнейший бред.

— А сейчас ты куда собрался?

— Я снял квартиру. Переночую там.

— Ты снял квартиру?

— Представь себе.

— Но зачем?

— Затем, что мне хочется побыть одному. Я устал от тебя, от этой квартиры и от жизни, которую ты пытаешься мне навязать. Короче, я умываю руки. Появлюсь, когда посчитаю нужным.

Как только он открыл входную дверь, я бросилась в коридор и громко закричала:

— Андрей!!! Не оставляй меня одну!

Но я не успела. Дверь с грохотом закрылась. А может, я просто не хотела успеть...

ГЛАВА 2

Не помню, как прошла ночь. Утром приехал мой папа и повез меня в больницу. Я как могла держала себя в руках и старательно избегала взглядов отца. Я чувствовала себя виноватой и за свою внезапную болезнь, и за неудавшуюся семейную жизнь...

Где-то там, в другом измерении, осталась моя заботливая мама, мой единственный сын и мой непутевый муж... Впереди новая, неведомая мне ранее борьба, борьба за собственную жизнь, борьба за право находиться рядом со своими близкими. Я чувствовала себя паршиво. Сильно кружилась голова, меня подташнивало, я вся обливалась потом. К тому же эта жара... Тридцать с лишним градусов. Июнь месяц. Кто-то рванул на Кипр, кто-то в Сочи, а кто-то загорает на даче в ближайшем Подмосковье, и только я, словно маленькая девочка, иду за ручку со своим отцом и стараюсь держаться из последних сил, чтобы не потерять сознание. Улучив момент, я украдкой взглянула на отца и почувствовала, как сильно жглось мое сердце. Мне показалось, что он состарился на десяток лет. Лицо осунулось, седые виски стали еще блее. Болезнь не щадит ни того, кто болеет, ни его родных.

В больнице нам пришлось долго ждать своей очереди в душном, неприятно пахнущем коридоре. Уставшие больные стояли, опираясь о стену, некоторые садились прямо на пол, кто-то постанывал от боли... Здесь были пожилые, молодые и совсем юные... Мы

все были обречены, но очень хотели жить и, как утопающие, хватались за соломинку, надеясь на лучшее.

Отец тяжело вздохнул. Наши взгляды встретились, и я увидела в его глазах слезы. Он заговорил о себе, о матери, о том, как сильно они меня любят. Он говорил и плакал. Я слушала как завороженная и даже не пыталась его перебить. Для меня открылось что-то новое, родное и бесконечно близкое. Я поняла, что просто обязана выкарабкаться. Ради своих близких. И еще я поняла, что пронесу этот разговор через годы и каждый раз с содроганием сердца буду вспоминать слова отца, которые вселили в меня надежду и веру.

Меня позвали в приемный покой, и я попрощалась с отцом. Врач попросил меня лечь на кушетку и стал осматривать мои распухшие лимфатические узлы. Когда я увидела недоуменно-растерянное выражение его лица, меня охватил панический ужас. Скоро вокруг меня собрался довольно приличный штат медиков. Они громко спорили, размахивали руками и говорили о том, что у меня не осталось никаких шансов... Мне хотелось крикнуть, что я еще живая, я все слышу и чувствую, что это очень жестоко, но силы оставили меня. Очнулась я в палате. Я ничего не соображала.

— Не переживай, все будет нормально, — сказал кто-то рядом.

Я повернула голову. На соседней кровати лежала девушка.

— Вы это мне?

— Конечно, а кому же еще. Кроме меня и вас, тут никого нет. Палата двухместная. Тут только сначала тяжело, а потом привыкаешь. Давай перейдем на «ты». — Девушка нервно улыбнулась. — При нашей болезни лучше не думать о тонкостях этикета. Тебя как зовут?

— Вика... Виктория...

— Красивое имя. Виктория — значит победа. А меня — Мила. Я тут уже целый месяц лежу.

— А что с тобой? — робко спросила я.

— Рак молочной железы. — Мила помолчала. — Самое страшное уже позади. Опухоль вовремя вырезали.

— Ты думаешь, у меня тоже есть хоть какой-то шанс?

— Конечно. Иначе бы тебя сюда не положили. Шанс есть у всех, даже у самых обреченных больных. Держи себя в руках и не раскисай, — твердо сказала она. — Тут главное — иметь деньги. Есть деньги — будут лечить. Нет денег — сдохнешь как муха.

— И много нужно денег?

— Много. Рак еще толком не изучен, поэтому покупаешь сначала один препарат, если он не подходит, покупаешь другой, пока не наткнешься на тот, который тебе нужен. Ты замужем? — неожиданно спросила она.

— Вроде бы да...

— А почему «вроде бы»?

— Мне кажется, муж от меня отказался...

Мила прикусила нижнюю губу и уставилась в потолок. Потом резко приподнялась и ударила кулаком о стенку.

— Сволочи! Господи, какие же они сволочи!

— Кто?!

— Мужики, кто ж еще! Тут полбольницы брошены! Разыгрывают из себя невесть что, а сами — обыкновенные, жалкие и ничтожные гады! Будь моя воля, я бы их всех перестреляла!

— Тебя тоже бросили?

— Меня нет. Я не замужем. Правда, есть у меня один крендель на примете. Хороший такой крендель, навороченный. Мой начальник.

— Твой начальник?

— Да, а что тебя так сильно удивляет? Он у меня бандит высшей категории. Умопомрачительный костюм, золотая цепь с собачий ошейник, тачка за сто ты-

сяч долларов, самый настоящий замок в пригороде, квартира на Кутузовском... Если бы ты только знала, как мне нравится весь этот антураж!

— Наверно, он у тебя очень красивый.

— Он не красавец, зато красива жизнь, которую он себе создал. Красивы рестораны, в которых он обедает, курорты, на которых отдыхает, дамы, которые его окрывают.

— Дамы? И ты не ревнуешь?

— Ревнуют те, у кого комплекс неполноценности, а я полноценная женщина.

— Ты работаешь секретаршей?

— Нет. Секретаршей я бы не выдержала и сутки. Я телохранитель. Охраняю своего босса и получаю за это вполне приличные деньги.

— Ты шутишь? — не поверила я своим ушам.

— Разве я похожа на любительницу пошутить? Девушки-телохранители уже давно вошли в моду. Ты только представь себе такую картинку: в один сверхважоченный ресторан заходит до ужаса неформальный мужик, а рядом с ним — молодая красивая женщина. Все удивляются — такой известный человек и без охраны... Они принимают меня за любовницу. И тут появляется кто-то из его врагов, даже не подозревая, что я профессиональный телохранитель. Реакция у меня — что надо. В момент он окажется обезоружен, а может быть, даже и обезображен. Я в совершенстве владею боевыми искусствами и прекрасно стреляю из пистолета. У меня есть разрешение на ношение оружия.

— И ты не боишься?

— Нет. Это ж моя работа.

— А если нагрянет целая мафия да еще с автоматами?

— Тогда у меня другая задача — прикрыть патрона собой, довести его до ближайшего безопасного уголка и вызвать ментов. У меня есть телефон их подкупленного начальника. Начнут стрелять, я должна отстрели-

ваться, пока тот с командой не явится. У моего шефа тоже пушка есть, и стреляет он не хуже меня. Правда, такого еще не было. Шеф очень боится за свою жизнь, поэтому я у него не одна. Часто с нами идет парочка здоровенных костоломов.

— Вот это у тебя работенка! Тебя же могут убить в любой момент...

— А куда мне деваться, если я ничего другого делать не умею? Работа рискованная, не спорю, но кто не рискует, тот не пьет дорогого шампанского. Женщины-телохранители сейчас в цене. Понимаешь, все обращают свое внимание на двух шкафообразных мордovorотов и не берут меня в расчет, принимая за бестолковую содержанку. Я сплю со своим шефом и надеюсь выйти за него замуж. Поэтому и охраняю его с тройным рвением. Если с замужеством не выйдет, скоплю денег и открою свою школу для девушек-телохранителей. Сейчас таких школ больше, чем бандитов. Правда, ничему дельному там не научат, бестолковщина одна.

— А если ты выйдешь замуж за своего шефа, разве сможешь его охранять? Тогда тебе самой понадобится телохранительница.

— Так это же здорово. Бизнес-дамы тоже пользуются нашими услугами. Кому придет в голову, что одна из двух якобы подруг — профессионал-телохранитель.

Мила замолчала и тихонько застонала.

— Ты что?

— Грудь болит. Вернее, то, что от нее осталось.

— И что, много вырезали?

— Немного, но ощущения не из приятных.

Скоро мне пришлось убедиться в этом. Биопсия еще раз подтвердила диагноз, и я согласилась на операцию. Помню, как долго и тяжело отходила от нарко-

за. Потом мне назначили химиотерапию. Я все ждала и ждала Андрея, но он так и не пришел. Видно, уехал на свою Чусовую. Я тяжело переносила физическую и особенно ноющую душевную боль. В эти страшные дни меня поддерживала только Мила. Однажды дверь в палату широко распахнулась, и к нам вломились два огромных мордмужика. За ними следовал тип не менее устрашающего вида, но в безумно дорогом костюме и ботинках из настоящей крокодиловой кожи. Я сразу догадалась, что пожаловал не кто иной, как шеф моей новой знакомой. Один из мордворотов встал у балконной двери, другой замер у входа. Шеф поставил на тумбочку роскошную корзину ярко-красных роз и расплылся в улыбке. Мила слегка приподнялась и улыбнулась в ответ:

— Марат Владимирович, очень рада вас видеть. Спасибо, что не забываете меня.

— Да разве тебя можно забыть! — Шеф сверкнул своими недобрыми глазами и присел на краешек кровати. — Как самочувствие? Готовишься к выписке?

— До выписки еще далеко, но я не теряю оптимизма, верю — все будет хорошо.

— Это правильно. Оптимизм в наше время — самое главное. У тебя появился румянец. Я смотрю, у тебя новая соседка, — заметил он, окинув меня заинтересованным взглядом. Я слегка заерзала на кровати и испуганно опустила глаза. Раньше мне не приходилось видеть королей криминального бизнеса, тем более так близко.

— Это Виктория, — сказала Мила. — Совсем недавно ей сделали операцию.

Шеф сочувственно вздохнул и пробурчал себе под нос:

— Диагноз не спрашиваю. В этом мрачном заведении диагноз у всех один.

Немного посидев, шеф вежливо распрощался и удалился вместе со своей свитой. Мила уткнулась в по-

душку и расплакалась. Я собрала последние силы, встала с кровати и подошла к Миле.

— Ты что? Ты же так хорошо держалась... — гладила я ее по голове. — Посмотри, какие роскошные цветы он тебе принес... Сразу видно, что он о тебе заботится...

— Да ни хрена он обо мне не заботится! Он пришел ко мне из жалости!!! — Моя соседка заревела еще громче.

— А разве у таких бывает чувство жалости? Мне кажется, что оно им вообще незнакомо...

Мила подняла голову и посмотрела на меня каким-то потерянным взглядом:

— Он пришел, чтобы дать мне понять, что больше не нуждается в моих услугах. Понимаешь, не нуждается, и все. Ни в охранных, ни в сексуальных. Скорее всего, он уже успел меня уволить и взять на мое место другую. Возможно, она не так красива, как я, но она здорова... Только в этой гребаной больнице начинаешь понимать, что красота не самое главное. Самое главное — здоровье.

Неожиданно на пороге нашей палаты появился ослепительно красивый мужчина, похожий на какого-то зарубежного киноактера. Его белоснежный костюм был безупречен. Казалось, мужчина просто ошибся адресом, перепутал нашу больницу с каким-нибудь дорогим рестораном, где должен состояться грандиозный банкет. Шагнув в палату, он вдруг уронил на пол букет свежих роз и устался на нас.

— Простите... А где мой сын? Он что, умер?

Заметив, как бледность заливает его лицо, я не смогла произнести ни слова.

— Он жив, — торопливо заговорила Мила. — Вы просто перепутали палату. Ваш сын лежит точно в такой же палате, только в другом крыле. Больница построена в виде круглой башни, поэтому тут легко запутаться.

— Костя жив? — Мужчина смотрел на Милу таким молящим взглядом, что нам обоим стало не по себе.

— Жив... — шепотом произнесла Мила. Мужчина наклонился и трясущимися руками собрал цветы.

— Извините, ради бога, — пробормотал он и вышел.

— Сразу видно, породистый мужичок. Богачи все породистые, даже если и родословной никакой нет. У него тут сын лежит. Совсем молоденький, лет двадцать, не больше. Сказали, что протянет еще совсем немного.

— Он должен умереть?

— Должен. Рак крови. Он уже, бедный, весь высох... Прямо труп какой-то.

— Вот горе-то какое, — вздохнула я и закрыла глаза.

Мне представилось детство и ласковая мама, аккуратно расчесывающая мои волосы. Даже страшно подумать, что от химиотерапии мои волосы поредеют за считанные дни... Я испытывала комплекс вины перед родителями за свою болезнь, за свою неустроенность. Они прожили вместе уже около тридцати лет и смогли сохранить тепло семейного очага. Все эти годы я чувствовала огромную родительскую любовь и заботу. Мне хотелось сделать для них что-то приятное, как-то отблагодарить за любовь и поддержку. Я стала мечтать, что, когда выкарабкаюсь, обязательно заработаю денег и куплю дом где-нибудь на берегу Черного моря. Мама и папа будут отдыхать там целое лето и наслаждаться красотами Крыма. А я буду смотреть, как они купаются, и украдкой вытирать слезы радости. Мне представился этот домик. Его ступеньки будут спускаться к самому морю. Он будет просто утопать в зелени — самый настоящий райский уголок. Во дворе будет бегать моя любимая собака Зоська и лаять на соседских котов. Мой сын будет кататься на водном мо-

тоцикле и весело махать мне рукой... Все это будет, все это обязательно будет. Только сначала нужно выкарабкаться, сначала нужно выжить...

ГЛАВА 3

Проснувшись, я пересилила головокружение и встала с кровати. Мила сладко спала и даже немного похрапывала. Вдохнув аромат подаренных ей цветов, я улыбнулась и вдруг подумала — начался новый день, пусть унылый, будничныи, но совсем новый, еще не прожитый. Химиотерапия давала о себе знать. Ужасно выматывали постоянные приступы тошноты. Правда, некоторым назначали препараты, которые снимали приступы рвоты, но это стоило очень дорого — от тридцати до сорока долларов одна ампула. На курс лечения требовались вполне приличные деньги. Если приходила гуманитарная помощь, она просто расходилась по служащим больницы, которые, не стесняясь, торговали потом этими ампулами. У них они стоили немного дешевле, чем в аптеке. Такова реальность, и от этого никуда не денешься.

Я вышла в коридор. Стены были какого-то грязноватого бледно-зеленого цвета. Эту больницу и так называют домом смертников, а тут еще такие ужасные стены. Словно какой-то склеп, в котором и заболевших людей заживо похоронили. В конце коридора я увидела открытую балконную дверь. На балконе, в небольшом кресле, сидел совсем молодой парень.

— Я вам не помешаю? — нерешительно спросила я.

Молодой человек обернулся, но ничего не ответил. Он как-то странно смотрел на меня. Мне даже показалось, будто он смотрит сквозь меня.

— Ты хочешь жить? — неожиданно спросил он.

— Хочу...

— Я тоже... Но мне осталось совсем немного... Может быть, намного меньше, чем я думаю.

— Ты это брось. Такой молодой, а уже помирать собрался, — растерянно пробормотала я.

— У меня рак крови, — продолжал парень. — Это не лечится. А так хочется еще хоть немного пожить. Хотя бы самую малость...

— Тебя зовут Костя?

— Да, а откуда ты знаешь?

— Твой отец перепутал палату и пришел к нам. У тебя очень красивый отец. Он артист?

— Он очень богатый человек. У него много денег. Жаль, что и за такие деньги меня нельзя вылечить.

Я стала успокаивать его. Голос у меня дрожал, я очень нервничала.

Мой новый знакомый взял меня за руку и с отчаянием заговорил:

— Послушай меня внимательно. Мне осталось жить считанные дни, а может быть, даже часы. Понимаешь? Это очень серьезно. Вчера я приоткрыл дверь ординаторской и услышал разговор отца с лечащим врачом. Они скрывают от меня правду, думают, что я ничего не знаю. Мне требуется твоя помощь.

— Моя? — опешила я.

— Ты должна мне помочь. Сама знаешь, просьба умирающего — закон.

На мои глаза навернулись слезы:

— А где гарантия, что я не умру? Может, от меня тоже что-то скрывают... Ведь ты совсем меня не знаешь.

— Ты выживешь. Я это чувствую... Ты обязательно выживешь и умрешь от старости. У меня есть деньги. Узнав о своей болезни, я сложил их в шкатулку и закопал на даче отца. Как только ты выпишешься из этой больницы, ты должна поехать на эту дачу и откопать шкатулку. Там ровно сто пятьдесят тысяч долла-

ров. Двадцать из них твои. Адрес дачи написан вот на этом листке. Смотри не потеряй.

Молодой человек протянул мне листок, смахнул со лба пот и облизнул пересохшие губы.

— Только смотри, будь осторожна. Отец ничего не должен знать. На даче он бывает редко, в основном по выходным. Лучше копать ночью, чтобы не увидели соседи. В нашем саду есть одна-единственная яблоня. Копай рядом с ней, не ошибешься.

— Господи, да что ты такое говоришь?! — воскликнула я.

— Знаю, что говорю, можешь не сомневаться. Я еще в здравом уме и твердой памяти. Спрячь листок. Выкопаешь шкатулку, двадцать тысяч возьмешь себе, а остальные деньги отвезешь моей любимой женщине.

— Любимой женщине?!

— Ты считаешь, что у меня не может быть любимой женщины?

— Нет, я так не считаю... Только при чем тут я? Ты мог бы ей позвонить, рассказать про деньги... Она бы их сама забрала. Так проще и намного надежнее.

— Может быть, но я так не сделаю.

— Почему?

— Потому что она не возьмет этих денег.

— А с чего ты взял, что она их возьмет от меня?

— Потому что меня уже не будет на этом свете.

Казалось, все это просто дурной сон. Какой-то нелепый, дурной сон... Хотелось только одного — чтобы он поскорее закончился. Сердце мое болезненно жалось.

— Я предлагаю тебе хорошие деньги за эту услугу, и ты должна согласиться. Понимаешь, она любовница моего отца, но была близка и со мной. Нам было очень хорошо вместе. Мы встречались тайно несколько месяцев. Отец ничего не знал. А затем произошла небольшая ссора. Она назвала меня молодым соплянком и сказала, что я никто и зовут меня никак. Мол, я

живу только за счет своего отца и ни на что не способен. Она поставила точку на наших встречах и стала меня избегать. С тех пор как я заболел, ни разу не навестила меня. Мне всегда хотелось доказать, что я на что-то способен, что у меня могут быть собственные деньги. Я пошел на подлость и обокрал своего отца. Я понимаю, что это аморально, но у меня не было другого выхода. Я выкрал деньги из сейфа. Ты даже не представляешь, какого труда мне это стоило. Отец пришел в дикую ярость, перетряс весь обслуживающий персонал, а я остался вне подозрений. В конце концов, я его сын. Понимаешь, сын! Я не виноват в том, что мы полюбили одну и ту же женщину. Разница в том, что я полюбил ее по-настоящему, а отец... так, просто пользуется ею, пользуется ее красивым телом, ее покладистым характером.

— Она старше тебя?

— Старше на пятнадцать лет. При чем тут возраст, если приходит настоящее чувство. Мне необходимо ей доказать, что она ошибалась. Я знаю, отец дает ей какие-то жалкие подачки, а я хочу сделать для нее намного больше. Я хочу сделать ее богатой. Я хочу, чтобы она вспоминала обо мне с сожалением.

— Ты сам откопаешь эти деньги, как только выпишешься из больницы, — перебила я его.

Костя не обратил внимания на мои слова и, достав второй листок бумаги, положил его мне на колени.

— Это ее адрес. Передашь ей, что я очень ее любил, что эти деньги я заработал. Заработал ради нее. Чтобы она смогла расстаться с моим отцом и начать новую жизнь. Она обязательно встретит любовь, родит красивого мальчика и назовет его моим именем.

— Но почему ты мне доверишь?

— Не знаю. Интуиция.

Мы помолчали. Я украдкой смахнула слезы и наконец решилась заговорить снова:

— Я хочу быть с тобой откровенна. Я тяжело боль-

на. В глубине души я надеюсь победить, но все же понимаю, что могу и не выйти из этой больницы...

Голос мой прервался, я почувствовала, что вот-вот разрыдаюсь.

— Ты будешь жить. Вот увидишь, — уверенно сказал Костя.

— А если вдруг...

— Если вдруг ты почувствуешь, что у тебя закончились силы для борьбы, передашь мою просьбу тому, кому доверяешь, кто будет здоров.

На балкон заглянула медсестра и позвала меня на процедуры. Я не могла просто так встать и уйти. Я должна была как-то поддержать Костю.

— Ты не сдавайся, — сказала я. — Ты только держись. У тебя есть ради чего бороться за жизнь. У тебя есть любовь. Понимаешь, любовь. Ради нее стоит бороться. У меня этого нет. Это исчезло вместе с моей болезнью. Мне всегда казалось, что любовь вынесет любые испытания, даже болезнь. А она, оказывается, такая непостоянная, такая коварная... Прямо как дешевая девка. Я всегда думала, что мои проблемы — это проблемы и моего мужа. Оказывается, все не так. В этой жизни можно надеяться только на себя. Очень тяжело, когда понимание приходит в этих стенах.

— Тебя бросил муж?

— Да. Меня бросил человек, с которым меня связывает несколько лет жизни и ребенок.

— Тут всех бросают... Вернее, почти всех... Ты не сказала мне свое имя.

— Виктория. Меня зовут Виктория.

— Это значит победа...

Я с трудом выдавила улыбку и пошла вслед за медсестрой.

Вернувшись в палату, я увидела, что Миле совсем плохо. Такой растерянной и удрученной она еще не была ни разу.

— Знаешь, к черту эту гробницу, — решительно

сказала я. — Сейчас позвоню маме, она принесет нам новые шторы, махровые коврики, кучу плакатов... В палате станет красиво, уютно, совсем по-домашнему. Я надену яркий халат и пушистые тапочки... — Я посмотрела на лежащую соседку и замолчала. Молчала и Мила.

— Ведь мы же еще живые... — робко попыталась продолжить я. — Ведь нам тоже хочется тепла и домашнего уюта... Будь моя воля, я бы все эти гробовые стены выкрасила в какой-нибудь розовый цвет.

— А что от этого изменится? — безразлично произнесла Мила.

— Ты о чем?

— О том, что, если тут будет уют, нам не станет лучше... У меня не вырастет грудь, а результаты твоей крови не станут лучше...

— Ну нет, ты не права. Чтобы выздороветь, нужно не раскисать, не давать душе впадать в уныние.

— Откуда в тебе появилось столько оптимизма?

— А откуда в тебе появилось столько пессимизма?

— Не знаю. Я смотрю на эту корзину роз и понимаю, что она прощальная.

— Не говори ерунды! — рассердилась я.

Решив не поддаваться настроению соседки, я направилась к телефону. Меня ужасно штормило, ноги просто отказывались слушаться. Из какой-то палаты послышался то ли стон, то ли молитва. Я почувствовала, что силы оставляют меня. «Нет, — сказала я себе. — Не сдамся, — я должна вылечиться. Всем смертям и диагнозам назло. Я очень сильная. Я такая сильная, что даже трудно себе представить. Я буду разговаривать со своей болезнью на «ты» и заставлю ее встать на колени... Она отступит. Она испугается, ведь она очень трусливая... Ой, какая же она трусливая... Это только кажется, что она всемогущая, а на самом деле она боится тех, у кого есть воля... Я выйду из больницы, поеду на дачу, откопаю шкатулку с долларами, возьму

положенную мне часть и куплю дом для своих родителей. Он будет сделан из белого камня и стоять на самом берегу моря. Я привезу туда родителей, посмотрю им в глаза и скажу: «Вот видите, я победила... Я это сделала. Надо просто захотеть. Надо просто захотеть жить... Надо просто поверить в себя. Я поверила, потому что у меня есть вы, сын Санька и маленькая собачка Зося. Я знала, как я вам нужна. Как я вам необходима. Мы должны быть вместе, ведь мы — семья. Мы — настоящая семья, и никто нам больше не нужен... Ну нет у меня мужа, и не надо. Главное — здоровье. Видимо, не всем выпадает шанс иметь рядом преданного человека. Это же как карточная игра, а я всегда проигрывала в карты».

Обливаясь потом, я добрела до телефона и позвонила маме. Поговорив совсем недолго, я повесила трубку и, опершись о стену, медленно съехала на пол. Перед глазами плыло, я поняла, что больше не смогу ступить и шагу. «Я сильная», — стала твердить я себе и попыталась встать. Когда мне это удалось, я рухнула на пол и потеряла сознание. Очнулась я в палате, к правой руке была подключена капельница, рядом сидела Мила.

— Что произошло? — спросила я.

— Ничего, не считая того, что ты упала в обморок. Ходишь по больнице как будто здоровая. Могла бы сказать, что хочешь спуститься к телефону, я бы помогла, вдвоем мы бы спокойненько доплелись. И что тебя понесло?

— Я звонила маме насчет ковриков и шторок...

Мила широко раскрыла глаза и, запинаясь, произнесла:

— Послушай, а ты в своем уме?

— Ты же сама говорила, что здесь все сумасшедшие... Давай уж будем сумасшедшими до самого конца. Умирать — так с музыкой. В уютных апартаментах.

На следующий день наша палата перестала напо-

минать гробницу. Ярко-розовые шторы, розовый тюль, ковер с большим ворсом и куча незамысловатых плакатов сделали свое дело. Я надела халат с желтыми подсолнухами и старалась победно улыбаться. На меня заглядывались и больные, и лечащие врачи. Наверно, от меня исходила какая-то невиданная здесь свежесть, я воплощала пусть мнимое, но все же благополучие.

Наступил тихий час. Больные разошлись по палатам. Неожиданно тишину нарушил отчаянный крик. Мы с Милой переглянулись и выбежали из палаты. Посреди коридора сидел Константин и громко кричал. Его лицо было бледно-зеленого цвета, глаза налились кровью.

— Люди, я умираю!!! Вы слышите, я умираю!!! Сделайте что-нибудь!!! Я хочу жить! Господи, хочу жить! Цените жизнь, люди! Слышите, цените! Она одна, падла, как жалко, что она одна!!! Берегите каждое мгновение, потому что однажды оно может стать последним!

Он вцепился в халат подбежавшей к нему сестры и снова закричал, задыхаясь:

— Родная, помоги! Хотя бы еще один день... хотя бы мгновение, только не сейчас... Сделай укол или дай таблетку... У меня есть деньги. У меня их много. У меня и у моего отца. Я отдам все, только помоги.... Умоляю, слышишь, я хорошо заплачу... Я не хочу умирать, я молод... Я еще ничего не видел... Почему именно я?! Я хочу жить!!!

Выкрикнув последние слова, Костя закрыл глаза и упал на пол. Через несколько секунд появились санитары с каталкой. Они накрыли тело простыней и увезли. Я с ужасом посмотрела на пару каталок, стоящих в холле. Кто же будет следующим? Странно... Мы еще живы, ходим по больнице, смотрим телевизор, обедаем, а посреди отделения стоит дежурная каталка для очередного покойника. Видно, кто-то заботится о том, чтобы мы знали свое место, чтобы не забывали, кто мы такие, и не надеялись на лучшее.